

Юрий Енцов

ЖИЗНЬ КАК БОЙ

Предисловие

Эта повесть написана по реальным событиям, должна читаться легко и с интересом. Ведь вся жизнь ее героя, Тадеуша Касьянова — это борьба, поиски, свершения. Думается, что многие увидят или захотят увидеть в нем себя.

Его характер в детстве формировали война, голод, разруха. Встав рядом с первым мастером восточных единоборств Советского Союза Алексеем Штурминым, навлек на себя подозрение госпартаппарата и ненависть структур МВД. Но Касьянов всегда шел вперед, принимая на себя многочисленные удары судьбы, доказывая, что развитие боевых искусств полезно для страны. Именно Касьянов с небольшим числом единомышленников сохранил для России этот вид спорта в период непонятного и мрачного его запрещения с 1981 по 1989 гг., постоянно популяризируя каратэ — вид спорта, которому отдал большую часть жизни.

Воинские единоборства закалили его волю, а застенки постсоветского ГУЛАГа, сделав его

инвалидом, не сломили силу духа и неиссякаемый оптимизм. В 90-е годы XX века наша пенитенциарная система — мало чем отличалась от «Главного управления лагерями» времен Берии.

Многие годы на нем лежал груз ответственности и принятия решений. Ему никогда ничего не предлагали, ему звонили только с просьбой о помощи. Истинный патриот, беззаветно любя Россию, болезненно пережил развал Союза, но не как политической структуры, а скорее как географической. Будучи истинным профессионалом, обладая даром предвидения, оставил в странах СНГ многочисленных учеников и подразделения Федерации.

Сложись его жизнь по-другому, может, и не выжил бы он, как многие другие из его окружения тех лет и настоящего времени, но видимо, Провидение хранило его для будущего. На Тадеуша Рафаиловича было организовано покушение, и он чудом остался жив. Теперь людей такой судьбы, живущих принципами, мало, и он, видимо, один из «последних могикан», поэтому читателю будет небезынтересно познакомиться с судьбой этого неординарного человека, уверенного, что не надо бояться трудностей. Будет жива Россия, будем живы и мы!

Еще ребенком, нечаянно попав в пионерскую организацию, продержался в ней дня три-четыре, а

затем был исключен и уж больше ни в какие комсомолы, а тем паче члены КПСС никогда не совался, интуитивно чувствуя ложь, фальшь, карьеризм людей из этих организаций.

Касьянов верил и надеялся, что доживет до конца Советской власти. Когда коммунистами-предателями была ликвидирована Коммунистическая партия Союза, его радости не было границ, тарантул сожрал тарантула! Но как до, так и после этих событий, он не верил ни одному политическому лидеру и всегда оказывался прав.

Тадеуш Рафаилович твердо убежден, что какой бы новый, любого толка, «царь» ни занял кресло, народу эти политические игры и возня, кроме забот и горя, ничего не принесут, до тех пор, пока народ сам не начнет строить свое будущее.

И. И. Оруженосцев

Чукаловка

На Второй Тверской-Ямской улице, неподалеку от его школы Тада поджидала компания. Он не помнил точно, как его звали — того смазливового старшеклассника, из-за которого была эта «стрелка», помнил только кликуху. Один из этой банды вытянул вперед руку с

растопыренными пальцами, и пошел на Тада со словами:

— Иди сюда, я сказал!

Он хотел взять Тада за физиономию своей пятерней и толкнуть что есть силы. Этим — все могло и ограничиться. А если заартачишься, то остальные присоединятся и запинают, компенсируя собственные душевные комплексы, душевную ущербность. Подростки склонны к крайностям, порой непомерная гордость порождает такое же унижение, и все оттого, что они так мало знают о себе самих, и об окружающих.

Не дожидаясь, когда грязная пятерня коснется его лица, Тад через эту вытянутую руку, махнул и — бац бестолкового по морде. В боксе этот удар называется кросс. Тад уже был без пяти минут перворазрядник по боксу. Нападавшие этого не знали, просто видели, что новенький — грамотно дерется. Но рассчитывали, что впятером-то с ним справятся.

Вожак по кличке Бык — шлепнулся на землю. Перешагнув через него, Тад бросился на других. Один из мальчишек пытался его стукнуть, но кулак вяло прошел над головой. Он пригнулся, и тут же сделал два резких удара по корпусу, которые попали в цель. Второй из пацанов, вслед за Быком, согнулся пополам и опустился на колени со сбитым дыханьем, лоя перекошенным ртом воздух.

Двое других предпочли отбежать на безопасное расстояние, и оттуда стали грозить и материться. Еще один, видно тоже из их компании, растерявшись остался стоять на месте, засунув руки в карманы, в уголке его рта дымилась папироса:

— Да я вообще не с ними, — сказал он на всякий случай Таду, хлопая глазами.

— Да? — спросил Тад недоверчиво, — ну иди тогда отсюда.

Вся эта свалка началась из-за одного парня, старавшегося верховодить в их классе, и которому Тад дал по роже, чтобы не «наезжал», чтил права других. Классу это понравилось. Тад видел, что от издевательств Быка все натерпелись, но побаивались из-за того, что он водил знакомства со шпаной. Сам же этот ублюдок драться не лез, только пригрозил:

— Ну, смотри же...

Таду от них ничего не было нужно. Он просто хотел как-то закончить восьмой класс. Но в этой школе среди старшеклассников сколотилось из парней несколько групп, которым нравилось задирается к таким одиночкам, как Тад, к новеньким, да и просто к тем, кто помягче характером или не мог себя защитить.

Но сегодня они нарвались на боксера.

В Москве было две кузницы советского бокса — «Трудовые резервы» и «Крылья Советов». Вот

«Крылышки», более чем на двенадцать лет, и стали родным домом Тадеуша Касьянова. В «Крыльях» было четыре тренера по боксу: Михаил Паногьевич Ли, Михаил Соломонович Иткин и Виктор Михайлович Тренин, над всеми возвышался и руководил четвертый, Виктор Иванович Огуренков, величайший тренер, которого знал и уважал весь боксерский мир. Осознавать все это Тад стал много позже, когда уже начал показывать результаты, а сначала им занялся дядя Миша.

Возле него крутилось много таких пацанов, как Тад и то, что впоследствии Тад стал «технарем», а не «нокаутером», в этом основная заслуга дяди Миши.

«Челночок, игра ног, левой, левой, правой» — учил он, и не только начинающие, но и выступавшие боксеры выполняли задание беспрекословно. В группе с Тадом занимались Володя Грачев (сам впоследствии известный тренер), Юра Карпенко, Володя Певзнер. Была в секции, в зале какая-то особая атмосфера мужественности, какой-то особый запах мешков, перчаток и здорового пота, которая сначала немного пугала Тада, но потом — затягивала все больше и больше.

Он старался придти в зал на полчаса пораньше и посмотреть на тренировку мастеров. С немим восторгом наблюдал, как работает на ринге

многократный чемпион СССР Борис Степанов и восходящая звезда, будущий олимпийский чемпион Олег Григорьев.

Поскольку Тад рос среди женщин, то комплексов у него хватало, он страшно смущался, когда кто-нибудь из старших товарищей обращался к нему с каким-нибудь вопросом или просьбой, не знал, что ответить и как поступить...

Родился Тадеуш в Замоскворечье, одном из сонных, патриархальных уголков Москвы. Но его первые детские воспоминания, как пишет в своей книге «Еще не вечер» И. И. Оруженосцев, начинаются с военной поры: вой сирен и бомбоубежища, заклеенные стекла и понемногу доходивший до него голод. Вся большая семья Чистяковых, кроме деда Ивана и бабушки Антонины, была эвакуирована на Урал. Их эшелон на выходе из Москвы разбомбило. Мама своих детей Тада и его сестру чуть не потеряла, нашла уже в детском доме на Урале, куда их и эвакуировали. Сначала эвакуировали в Уфу, потом в Белорецк, еще на 400 километров дальше.

Тад смутно помнил детский дом, куда попал, постоянный холод в комнатах и почему-то темень, но, как объясняли взрослые: «Так нужно, маскировка!»

Затем почему-то стали жить у староверов, Людмиле, маме Тада и ее двум сестрам: Вере и

Ларисе, была выделена комната. Здесь в эвакуации жить было сытнее, но порядок в доме поддерживался строгий, и сестрам москвичкам постоянно давали понять, что они здесь гости, и гости нежеланные.

Но жизнь есть жизнь, и Люда, работая и обзаводясь новыми знакомыми, решала какие-то местные проблемы. Глава приютившей их семьи — Кузьмич, мирился с пребыванием московских, ну, а его жена Матрена и сестра ее, баба Оля, были хоть и строгие, но сердобольные женщины, и когда не было дома «самого», то нет-нет, подкармливали иногородних.

Город Белорецк в то время был просто большим рабочим поселком, родители «пахали» от зари и до зари, а многонациональная детвора — гоготала на улицах, убегая в лес, начинавшийся прямо на окраине городка, купалась в реке Белой.

Тад рос чернявым крепким мальчишкой. Он был так похож на местных, что как-то раз один башкирский «аксакал», проходя мимо, заговорил с ним на своем языке. Увидев, что Тад не понимает, присел, посадил его на одно колено, вытащил из-за пазухи лепешку, разломил пополам, дал мальцу. После этого на Тада меньше нападали, меньше бранили и дрались с ним.

В Белорецке дислоцировались две польские дивизии, иной раз офицеры заходили в дом, и

теперь уже сестры подкармливали их. У молодых москвичек был повод относиться к полякам почти по-родственному, но об этом мы расскажем чуть ниже...

Поляки грустили о своей далекой родине, и сестры как могли, успокаивали их, добротой и лаской вселяли уверенность в мятущиеся души.

Всем было плохо, беда объединяет людей. Поляки, уходя на фронт, обещали за доброту вызвать русских женщин после войны в свободную Польшу, отпраздновать победу. Но... благими намерениями устлана дорога в ад, а война жестокое занятие, какой бы справедливой она не была, то ли были убиты, то ли забыли, толи еще что, но ни одной весточки из «Речи Посполитой» в Россию не прилетело...

Война потихоньку откатывалась на Запад. Мать Тада, съездив в командировку в Москву, решила перетаскивать семью обратно в родной город, тем более что на Урал стал подкрадываться голод.

Вернувшись из эвакуации в Москву, вся семья собралась в доме № 36 по Стремянному переулку в квартире № 6. Сейчас на этом месте стоит новый вестибюль Института имени Плеханова. Тетка Вера, немного пожив с мужем, вернувшимся с войны, у Чистяковых, переехала на станцию Лось в Подмосковье.

Весь дом, где родился и жил Тадеуш, когда-то занимала семья священника, но НКВДешникам показалось, что служитель культа слишком хорошо живет и его, как это водилось в те годы, переселили куда-то на север, а квартиру — предложили деду Ивану. Но в воспитании деда сказался «синдром нищеты», побоялся Иван Иванович взять всю квартиру священника, вдруг вернется, а за две комнаты как-нибудь можно и отговориться.

Так что среднюю комнату заняла какая-то жуткая воровская семья во главе с бабкой Хаей. За печкой на кухне на девяти метрах поселилась еще одна семья Любчиковых. Как они там одиннадцать человек умещались, известно было только им самим. Глава семейства, похожий на бурундука, тащил все в дом бочками и мешками. Запасы стояли и воняли в кухне, вызывая междоусобицы.

Своего отца Тад практически не знал. Не видел никогда, и потому никакой тяги к отцу у него не было. Мать, Людмила, вышедшая замуж вторично, сказала, что он погиб за несколько дней до конца войны, будучи полковником МГБ. Так ли оно было на самом деле, или мама чего-то скрывала, мальчик никогда не интересовался.

В семье воевали все. Только дед работал на железной дороге главным кондуктором, у него была, как тогда говорили, «бронь», освобождение от воинской службы, и, к тому же, он уже был

старый, за шестьдесят. Бабушка была, прежде всего, домохозяйкой. Конечно, она еще работала. Одно время в домоуправлении, в Щипковском переулке напротив больницы им. Семашко, домоуправом. Тад к ней ходил туда помогать. Она заведовала бумагами, владела печатями. Народу к ней приходило много узнавать что к чему. Бабка происходила из мелкопоместных дворян, была не просто грамотная, а владела несколькими языками: французским, польский для нее был как родной. У народа она была на хорошем счету, как женщина сердобольная и отзывчивая.

Ее дочь, мать Тада, перед войной работавшая заведующей сберкассой, после войны стала старшим инспектором в Министерстве финансов. Она была знакома с творческой интеллигенцией.

В семье с родителями жила младшая мамина сестра Лариса, а брат Олег быстро женился и переехал к жене. Стало чуть попросторнее. На тридцати шести квадратных метрах в Стремянном переулке дом 36, квартира 6 осталось жить шестеро. Естественно люди «мозолили глаза» друг другу, уставали, от этого вспыхивали маленькие конфликты, ведь людям свойственно желание уединится, оставшись наедине с собой.

После войны буханка хлеба стоила на черном рынке 800 рублей. Бабушка шила из тряпок какие-то фартуки, продавала на рынке, чтобы хоть

что-нибудь на стол принести. Жили бедно, тяжело. Купить, надеть на себя какую-нибудь обновку — это был праздник. Но бедность — хороший опыт для способных учеников.

Жизнь была тяжелая, но строгая по духу, по иерархии. Старших дети должны были уважать. Любой незнакомый взрослый мог на улице дать пацану подзатыльник «за шалость», если считал, что тот неправильно себя ведет, и мать шалуна — говорила за это спасибо.

Тад рано был приучен помогать взрослым, и когда, убираясь, мыл кухню и туалет, то иной раз через его голову летали и втыкались в дверь уборной ножи и вилки. Соседская семья любила покачать права. Скандалы и драки были в этой квартире явлениями частыми и закономерными.

Соседка, бабка Хая втихаря доливала в чужие кастрюли сырой воды вместо супа, воровала котлеты, а Любчиковы, вылезая ватагой из-за печки, начинали махаться чем под руку попадет, но вместе все они — не любили бабушку Тада за врожденную интеллигентность и отвращение к ссорам. В общем, в чистом виде — коммуналка, большевики знали, что делали, селя вместе людей различного социального происхождения.

Бабушка Тада была родом из обедневших саратовских дворян. На нее в юности положил глаз Иван, тогда всего лишь денщик ее отца. Видя

большое взаимное влечение молодых людей, отец, помещик и офицер, решил положиться на судьбу и предложил солдату сыграть за руку своей младшенькой дочери в карты. Проиграл и не стал молодым мешать. Но постепенно с годами, разница в происхождении стала проявляться, жизнь бабушки стала пыткой...

Пацаном Тад рос тихим, скромным, но крепким. Часто приходилось подрабатывать, и уже в 7–8 лет Тад один двуручной пилой управлялся с кубометром дров, затем колол все это и складывал в штабель, получая за это 25 рублей в ценах до реформы 1948 года. Во дворе 36-го дома жило три интеллигентных семьи: Лебедевы, Чегисы и Чистяковы. У первых двух были девочки, а Тадеуш со своим иностранным именем — был постоянной мишенью для насмешек и драк.

Любили же некоторые родители давать своим детям имена: Ноябрьрина, Вилор, Марлен, совершенно забывая, что этим детям, так обозванным, идти по жизни, и что, вероятно, у них тоже будут дети, с такими жуткими отчествами, а родителей, как известно, не выбирают.

Иной раз приезжали в гости бабушкины сестры: Елизавета, Зинаида со своими сыновьями, Бэноном, Зигмундом. У старшей и средней бабушкиных сестер, мужа — были поляки, Франц и Ян. Соответственно мамыны двоюродные братья

— Бенон Янович и Сигизмунд Янович Рынкевич и сестра Цецилия Францевна Василевская. Мать Людмила и Таду «залепила» нерусское имя в честь национального героя Польши Тадеуша Костюшки.

К тому же предки Тада некоторое время жили в Польше: бабушка вместе со своим отцом и сестрами. Есть такой под Краковом форт Згерж, очень маленький тихий польский город в Лодзинском уезде Петроковской губернии, на левом притоке Вислы реке Бзуре. Отец ее, прадед Тада — служил там. Тогда в первое десятилетие XX века, как и теперь офицеров переводили с места на место, из одного гарнизона в другой.

Потом, уже став взрослым, заинтересовавшись историей своей семьи, Тад узнал, что когда во время Первой мировой войны Брусилев стал командующим западным фронтом, то тогдашний верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Великий Князь Николай Николаевич обратился к полякам с предложением, от которого они не могли отказаться.

1 августа 1914 года он издал воззвание к полякам о воссоединении польского народа под скипетром Русского Царя и о возрождении Польши, «свободной в своей вере, в языке и в самоуправлении». 5 августа это воззвание к освобождаемым зарубежным славянским братьям

были опубликовано и принято поляками с восторгом. Предполагалось объединить Польшу, до того момента разъединенную между Россией, Австрией и Германией. Поляки были «за». Это потом, когда к власти пришло большевистское правительство, началось противоборство. А прежде нигде нападений на русских солдат не было: ни в Чехословакии, ни в Болгарии, ни в Румынии, ни в Польше.

Польша — страна своеобразная: то это «задворки Европы», то ее же «разменная монета», то «санитарный кордон» от надуманной «угрозы с востока». Но, ни прадед Тада, ни его дед об этом, скорее всего, не задумывались. Дед, прежде чем стать у бабушкиного отца вестовым, был крестьянином. Крестьяне жили на земле, возделывали ее, и им — ничего другого не было нужно. Среди них были и богатые, которые прекрасно справлялись со своей землей и брали еще в аренду у помещиков. Выкупали себя, торговали хлебом, рабой.

Россия была крестьянской страной. С четырех лет ребенок, прутиком выгонял на пастбище скотину. Потом вечером с матерью или отцом загонял живность обратно. Наше крестьяне — были трудолюбивые, стойкие, но социально не защищенные люди.

Коммунисты воспользовались этим, уничтожив поочередно пять сословий: крестьян, сельских священников, казачество, интеллигенцию, что, может быть, самое страшное, ведь это — культурный слой нации. Им не нужна была русская интеллигенция.

Теперь многие небезосновательно считают, что «богоизбранный народ», приходя в любую страну, прежде всего, уничтожал культуру, традиции. Когда уничтожаются традиции, нация становится неполноценной. И, наконец, уничтожили практически всю военную верхушку, элиту. Ну, какой Троцкий главнокомандующий!

Поговаривают, что после того, как сефардов выгнали из Испании и Португалии, их «Молчаливое правительство» осело в Польше. Потом, когда Польша стала частью Российской империи, они расползлись по России. Во всех партиях перед революцией преобладали инородцы. У эсеров из русских были только Савинков, да Керенский.

Коммунисты как-то по-особому понимали счастье для народа и методы, которыми они пользовались, вряд ли назовешь цивилизованными. Равновесие в обществе было нарушено, и мир рухнул в пучину революций и войн...

Потом вроде бы наступил расцвет большевицкой «дружбы народов»: «чехословаки», «латышские стрелки», немцы, евреи. В Советский

Союз приехала большая группа испанцев. Они у нас становились пионерами, комсомольцами, коммунистами. Но, слава Богу, почти все уехали из России.

На углу Стремянного

Дворы тех времен были нашпигованы шпаной, «деклассированным элементом». Это было время белых шарфов, кепок-восьмиклинок с козырьком в два пальца и пуговкой на темечке. Блатные ватаги собирались на углах Стремянного, Большого Строченовского переулков, и улицы Щипок, под гитару «бацали» чечетку, распевая «Мурку», другие воровские песенки, некоторые из которых были очень душевные и трогали Тада за живое.

Он издали наблюдал за блатными, близко не подходил. Интуитивно он не верил в это блатное братство и боялся его. Всегда пугает неизвестность, а эти люди со своей какой-то бесшабашностью и жестокостью были ему непонятны, это беспокоило.

Во дворе жили два воровских авторитета: Витя матрос (потому что ходил в тельняшке) и Васька однурукий, жуткая пьянь и дебошир, хватавшийся за финку даже тогда, когда скандалил со своей родной матерью. Всё в округе переулков

до улицы Дубининской и Павелецкого вокзала «ходило под ними».

Витька-матрос был страстный гоняльщик голубей. У него были какие-то особые породы, и Тад часто наблюдал, как Витька, забравшись на сарай, выпускал своих черно-чистых в синее небо. Он, Витька, знал каждую особь, как говорится, в лицо, и если какой-нибудь голубь пропадал, то блатные из других дворов отдавали Витьку его собственность, хотя это считалось честной добычей.

Несколько раз Тад, ближе подходя к блатным, наблюдал разборки. Этого чернявого мальчишку подпускали. Тад видел, как на «базарах» били, а иной раз и резали виновных, но обидеть малолетку было «западло», это значит, обидчик подписывал себе, чуть ли не «вышку». Тогда в блатной среде за этим следили строго. Иной раз собирались большие ватаги, человек по 300. С цепями, кастетами и ножами ехали выяснять отношения в Марьину рощу, Кожухово или Косой переулок. Шпалеры (револьверы) имели только воры и, кстати, пускали в дело их крайне редко.

Очень любила вся эта блатота смотреть, как дерутся мальчишки поменьше и часто старались их стравливать. В эти драки пытались частенько втащить и Тада, обзывая его обидными словами. Тад старался отойти и не лезть в драку, но это не

всегда получалось, потому что пристающих и нападающих всегда было больше и уж очень обидны были их действия, особенно, когда что-то отрывали от костюма Тада или пачкали. Вся эта дворовая публика догадывалась, что Тада дома будут за это ругать и не выпустят потом гулять на улицу.

Это продолжалось годами. Тад не помнил, чтоб хоть когда-то он дрался с дворовыми один на один, их всегда было больше: и двое, и трое, и пятеро. Но где-то в душе Тад все-таки мужал, и один раз, когда уже было не вмоготу терпеть, дал ответ самому главному своему обидчику — Шурке Марфушкину.

В 1948 году в Москву стали проводить стационарный газ, не обошли этим и Стремянный переулок. Во дворе 36-го дома раскопали глубокую и длинную траншею. В один из дней Тад вышел во двор погулять и присел на откос траншеи, наблюдая за газовщиками. Он не заметил, как за спиной у него оказался Шурка, а газовщики, устав, присели отдохнуть, им хотелось зрелища и они потихоньку стали дразнить Тада и Шурку, а тут еще и блатные подошли, подливая масла в огонь. Шурка, чувствуя поддержку блатоты, тут же полез в драку и ударил Тада по лицу.

От обиды и внезапно возникшей злобы в душе у Тада все захолонуло, и он с рычаньем кинулся на

обидчика, схватив его за горло. Они балансировали на краю траншеи, пытаясь скинуть в нее друг друга, но все-таки грохнулись туда вдвоем. Тад, как безумный, не почувствовав боли, молотил Шурку с обеих рук, вдобавок на дне траншеи он оказался сверху и, уже не помня себя, шарил вокруг глазами, чем бы добить Шурку. Под руку попался кусок колючей проволоки и Тад, мгновенно обмотав горло, стал душить противника.

Все кончилось бы плохо, но газовщики и блатные сами испугались за жизнь Шурки, кинулись разнимать дерущихся. Тада едва оторвали, он рвался на обидчика. Его отвели домой, умыли, но даже бабушка не ругала его за порванную и измазанную одежонку.

Все! После этого случая Тада сверстники зауважали, прекратились издевательства и драки. Во дворе его оставили в покое, а Шурка в недалеком будущем стал даже приятелем Тада, что в жизни часто бывает после потасовки.

С ним в классе в школе № 554, что в Стремянном переулке, учился будущий журналист-международник Валентин Зорин. Будущий писатель Юрий Бондарев жил здесь же. Все было близко: Зацепа, Строчиновский, Дубининская.

Прошла война, страна зализывала раны, а народ жил трудно, не хватало жилья, одежды, еды. На улицах городов появилось очень много нищих

калек. Эти герои войны не могли работать из-за своих увечий и добывали себе пропитание тем, что собирали возле себя толпу сердобольных, простых людей, рассказывали байки, басни и невыдуманные истории. Некоторые женщины, слушая их, плакали и все кидали в шапку какую-то мелочь. Те, кому дать было нечего, хоть краюшку хлеба, но приносили этим артистам поневоле.

Тад часто встречал у ограды Плехановского института героя-калеку, у которого не было обеих ног и рук. Он ездил на доске с колесиками из подшипников, с сумкой на локте. Грудь от плеч до ремня его френча, была увешана орденами и медалями. Ему много подавали, хотя он был без просыпу пьян — очень смешно он рассказывал басни Крылова в своей интерпретации. Девчонки-продавщицы из булочной (что до сих пор стоит на углу Стремянного и Строчиновского переулков), выносили ему довески хлеба и, пригорюнившись, слушали его, затем, смахнув слезу, уходили.

Скоро это все закончилось, «струпья войны» бередили душу «органам», партии и их быстро убрали в больницы, спецприюты. Больше они оттуда не вышли. «С глаз долой, из сердца вон» — ведомство Лаврентия Берии жалости не знало.

Все много работали, и мать Тада, уходя утром, домой возвращалась только затемно. Бабушка была

очень хорошей портнихой и работала от зари до зари. Она шила и фартуки и платица, всякий «ширпотреб», чтобы поскорее продать на рынке. Но если заказывали, она по моде шила такие вещи, что залюбуешься. Тад тоже носил одежду, которую она шила. Его даже спрашивали: откуда такая красивая вельветовая куртка?

Еще бабушка прекрасно готовила. Как-то так получилось, что до замужества отец ее любил, и больше доверял ей, а вот у своей мамы, прабабушки Тада, она была не в фаворе. Вот ее и гоняли на кухню, и она там научилась вести хозяйство. Отлично знала старую русскую кулинарию, прекрасно делала пасху. Бывало, посылала внучка искать хороший булыжник, потом его мыли, бабушка ставила творог под пресс. Так же очень хорошо она пекла куличи, делала котлеты и многое другое.

Магазины ломались от продуктов, но у семьи Тада не было денег, жили очень бедно, чтоб не сказать больше. Бабушка поднимала Тада ночью, и они шли стоять в очереди за мукой. Стояли до утра, бегая из подъезда в подъезд от холода с написанными на руках номерами. Никто не возмущался, все верили, что когда-нибудь будет лучше. Было страшно, когда воровали карточки, по которым отоваривалась семья в магазине, тут хоть под трамвай ложись. И в такое время она с горьким

смехом вспоминала, что когда они жили в Саратове, перед тем, как переехать в Москву. У них был там свой двухэтажный дом, с подвалом для хранения продуктов, и вот в подвале, на кованых железных крюках — висели копченые говяжьи и свиные окорока, хранилось на холодке по две тысячи яиц. Она в очередях за мукой тихонько рассказывала Таду, какие были праздники в старину, как люди на этих праздниках гуляли.

Здесь в Стремянном переулке дети были в основном из бедных семей, но кто-то был побогаче. И на них смотрели как на каких-то капиталистов, со всеми теми понятиями, которые пропагандировали в те времена газеты. В своих симпатиях и антипатиях мальчик знал только черное и белое, он не признавал полутонов. У Тада была тяга к какой-то сверхсправедливости. Этот пацан либо любил, либо ненавидел что-то, без всяких неопределенностей. Тадеуш, в детстве особенно, человек крайностей был способен глубоко любить и быть преданным. Но любой, кто подводил этого подрастающего парня так, что это воспринималось им как предательство, никогда снова не обретал его доверия.

Тад ходил в обносках с чужого плеча, маек у него «ни вжисть» не было, первые длинные брюки подарила дальняя тетка в 14 лет. На гимнастерку надевался пиджак, тоже кем-то подаренный. Если

зима, то шапка, и все, ни о каких рукавицах и пальто разговора не было. Ключки и прочие причиндалы для игры во дворе парень делал себе сам, как, впрочем, и многие другие.

Весной и летом он много путешествовал по старой Москве, пешком, а после, когда та же тетка подарила тяжелый дорожный велосипед, то на нем. Его глазам открывался неизвестный зовущий мир.

У Тада уже развивалась сильная интуиция, он старался смотреть вглубь, так что мало что могло укрыться от его пытливого взгляда. От него было бесполезно что-то скрывать. Мальчик стремился, и, как правило, ему это удавалось, получить правдивые ответы на все интересующие его вопросы.

Стояли в развалинах церкви, но народ молился. Бабушка Тада, Антонина Ивановна ходила в церковь на улице Ордынке к «Скорбящей Божьей матери». Тад ходил с ней, но храм как-то подавлял его, и он часто дожидался бабушку на улице. Бабка не настаивала:

— Все придет в свое время, — говорила она.

И время, правда, чуть позже, но действительно пришло. Впоследствии, когда уже не было бабушки...

Уже став Мастером спорта СССР по боксу Тад, часто приходил в эту знакомую с детства церковь, становился где-нибудь в углу церковного

портала, наблюдая службу, слушая пение хора на клиросе. Здесь он отдыхал, мысли уносились далеко, на душе становилось легко и спокойно. Тад не молился, просто ему было хорошо, и он был рад, что никому не сделал ничего плохого...

Учился Тад отвратительно. Наверное, мешала какая-то внутренняя несобранность. На уроках был часто невнимателен, мысли уплывали куда-то, на улицу, где он представлял, как носится с ватагой таких же пацанов по крышам сараев и разрушенных зданий. Первым его школьным учителем был Гаврила Ильич, очевидно, фронтовик, потому что ходил в галифе, сапогах и пиджаке.

Это был скромный, спокойный и сердобольный человек. Тогда в школах детей подкармливали, и стоило это всего один рубль, в ценах 1947 года, но мать Тада даже этого не могла заплатить, потому что его, рубля, не было, семья часто голодала. Гаврила Ильич, видя голодные детские глаза у окна буфета, где выдавали обед, сам платил за нескольких учеников, ласково подталкивая их к мискам. Добрый. Правильный. Мало улыбочивый, улыбаться было особенно не с чего.

Как отблагодарил бы Тад этого человека потом, и чего бы только для него ни сделал! Но не было их уже в живых, этих героев быта, лишь только память бережит душу, да воспоминания. Но

семена доброты не пропали даром, уже много позже, когда Тадеуш стал личностью, сам старался поступать как его Учитель.

В школе преобладала старая когорта учителей. Дети их боялись и уважали. Сделать что-то неподобающее перед учителем — казалось святотатством. С четвертого класса он попал к Анне Федоровне. У нее еще дядька Тада учился, Олег и это накладывало определенные обязательства...

Жестокое, лживое было время, хотя партия и комсомол прикручивали молодежь к себе как могли, кидая в разного рода авантюры. В пионеры принимали тогда рано, где-то лет в восемь «оприходовала» эта организация и компанию ребят вместе с Тадом. Но выдержки им хватило только дня на три-четыре, ребята взорвали за школой самодельный заряд. Так же как принимали, всех скопом их исключили из пионеров, а Тада еще и из школы на неделю, чему он был несказанно рад. Больше уже ни в какие красноперые структуры Тад не совался никогда в жизни.

По весне мальчишеские ватаги направлялись на Воробьевы горы. Спортивного комплекса Лужники еще не было, не было никаких набережных. Стояла деревня Воробьево и лужайка с нею рядом. Проходя через Андреевский монастырь, в маленькой булочной покупали

буханку черного хлеба, пару соленых огурцов, мальчишеских копеек хватало только на это, и по домам ватага возвращалась голодная как стая волков.

В Нескучном саду, рядом с метромостом с тех пор сохранились два пруда. Когда в 1950 году вышел фильм «Тарзан» с чемпионом мира по плаванию, Джонни Вейсмюллером в главной роли, мальчишки, изображая Тарзана, привязывали к склоненным ивам веревки-тарзанки и, раскачиваясь на них, сигали в пруд. Вода уже была теплая, купальный сезон начинали на месяц раньше, с первого мая, хотя в реке можно было купаться только в начале июня.

Никаких тренеров по плаванию не было. Учились сами, интуитивно. Не умея плавать, прыгали в воду, барахтались по-собачьи. Потом когда научились плавать, начали нырять под баржами, которые перевозили по Москве реке песок. Вынырнуть с другой стороны плывущей баржи считалось шиком.

Вообще на лето мать Людмила Ивановна отправляла Тада в пионерские и спортивные лагеря. Кормить дома было нечем, да и боязно, что сын свяжется со шпаной. Тогда многие так делали, стараясь на две или три смены отправить детей на природу и дать им немного подкормиться.

Это были прекрасные места Подмосковья: Ильинское, Кратово, Валентиновка, Домодедово, казавшиеся детям страшно далекими от Москвы, ведь возили туда ребят не на электричках, а на грузовых машинах и без сопровождающей кавалькады милиции, с одним пионервожатым или просто парнем постарше.

Тад до сих пор с благодарностью вспоминает женский персонал этих лагерей. Это были тетки, повидавшие жизнь, испытавшие на себе голод и разруху, терпеливо и по-матерински относившиеся к ребятам. Поварихи приходили смотреть на стол «ударников», за которым Тад оказался еще с двумя такими же бедолагами из неустроенных семей.

Каждый из пацанов съедал по 3–4 тарелки супа, столько же второго, запивая все это 10–12 стаканами компота или киселя, а тетки, рассевшись вокруг, подперев подбородки ладонями, с грустью смотрели на этих изголодавшихся ребят, незаметно вытирая слезы. Когда вся эта троица: Саша Воропаев, Рудик Степочкин и Тадик Касьянов — вставала из-за стола, единственная выпуклость присутствовала на их теле — желудок, в остальном же ребята были тощие, но крепкие. Первый раз Тад после войны наелся в 1950 году.

Как у всех детей того времени у них был популярен зимой хоккей, а летом футбол. Очевидно, не из кого было выбрать игроков и его

брали играть левым полузащитником, он никогда не был левшой, почему его поставили на левой край ему было непонятно. Зато на воротах стоял Евгений Майоров, а капитаном команды был его брат Борис. Вот оттуда, из далекого послевоенного детства, начиналась карьера этих, впоследствии знаменитых спортсменов.

Не особо талантливый в этом виде спорта, Тад добросовестно мешал и не давал пройти противнику по своему краю, и это у него получалось. Играли с более богатыми и сильными лагерями: Министерства обороны и всяких других министерств, нужен был результат, поэтому тренировались все свободное время.

Любовь к футболу закончилась одним событием. Борис Майоров сильно попал мячом в нос Рудольфу Степочкину, пошла кровь. Рудик — полез в драку. Саня и Тадеуш вступились за него, а остальная команда за Бориса. Тусанули друг друга по несколько раз, но больше досталось троице. Так и ушли три друга из команды. Это было последнее лето, когда они были вместе, затем их жизненные пути разошлись, больше они не встречались никогда.

А вот с братьями Майоровыми Тадеуш встретился мимоходом в Госкомспорте много лет спустя. Они довольно холодно кивнули друг другу, и Тад в душе усмехнулся. Ему было не до того, он

спешил в кабинет к могильщику советского каратэ Александру Михайловичу Самсонову...

Занятия футболом и то, что Тад летнее время бывал в спортлагерях, бегая, подтягиваясь на турнике и плавая сколько хотелось, сделали его сильным, жилистым парнишкой. Но потихоньку проявляющаяся черта характера — искать что-то свое.

Годах в 50-х Тад увидел фильм «Первая перчатка» и аж похолодел от восторга. Он влюбился со всей детской непосредственностью в героев этого фильма, особенно в Ивана Переверзева, сам решив заняться этим чрезвычайно трудным спортом.

В семье к спорту относились скептически и считали занятием несерьезным, поэтому Тад не стал никому дома говорить, что хочет записаться в секцию бокса. Вообще в Таде потихоньку стал формироваться характер. Постоянные драки и потасовки со сверстниками, когда помощи ждать было неоткуда, заставляли его рассчитывать только на свои силы. Он никогда не грозил сверстникам, если не мог справиться сам, молча проглатывал обиду, усвоив этот принцип на всю жизнь. Но если чувствовал, что справится, то давал отпор и нескольким противникам. Он потихоньку стал заглядываться на девочек, надо было соответствовать: Тад подспудно понимал, если он

среди разгула послевоенной шпаны не сможет достойно защитить себя, то, как он будет защищать свою девчонку? Эта мысль не давала покоя. Все это подталкивало его к поступкам.

Тад пришел записываться в, одну из кузниц Советского бокса, секцию «Крылья Советов», что на Ленинградском шоссе. Таких, как он, во Дворце оказалось много, и Тад в этот год не попал в секцию, попал только в следующем, 1953 году, сразу после похорон «Отца народов».

В то послевоенное время бокс был развит в Москве, Ленинграде и, может быть, Харькове, так как чемпионы были родом из тех городов.

Когда Тад стоял среди страждущей толпы подростков, ему вдруг подал мяч, попросив надуть его, один из старейших тренеров «Крыльев Советов» Михаил Паногьевич Ли — советский кореец.

Насосы тогда были не в моде и Тад, попросив тренера зажать ему уши, хорошо надул мяч ртом.

— Годится, — воскликнул Михаил Паногьевич, — у парня отличные легкие, пойдешь в группу к дяде Мише!

Так Тад попал к старшему тренеру ДЮСШ Михаилу Соломоновичу Иткину, а проще — к дяде Мише, как того любовно называли и молодые спортсмены, и старые маститые боксеры.

Потихоньку сбивалась группа ребят-единомышленников, которые тоже были зациклены на боксе. Психологические комплексы Тада — как-то само собой стали пропадать. Позанимавшись полгода, Тад почувствовал себя много уверенней и в школе, и во дворе. К нему почти не приставали, а когда старшие ребята в переулке пробовали его толкнуть или шутливо ударить, то их руки находили пустоту. Тад легко увертывался, нырял и с улыбкой отходил в сторону. Он понимал: еще не время показать себя.

А группа, в которой занимался Тад, сплывалась все больше и больше, появились новые имена: Виктор Фарсюк, Стас Покровский, Толя Карабанов. Они стали выступать на открытых рингах, страшно радуясь успеху, и переживая поражения друг друга.

Первый бой

Тад запомнил это ощущение на всю жизнь. Ему достался парень-одноклубник, на полголовы выше и мощнее сложением. Его товарищи суетились вокруг него, косо посматривая в сторону Тада, прочили победу своему другану, убеждая, что он легко разделается с Тадеушем. Вокруг Тада почитателей было не меньше, все подбадривали его и желали победы.

И вот они на ринге. Звучит команда «Бокс»... и тут произошло невероятное. Тад перелетел половину ринга мухой и обрушил град ударов на своего противника. Тот даже не понял в чем дело, оказавшись на канатах. Рефери сказал: «Брейк», но Тад, не слыша команды, продолжал молотить противника.

Судья едва растащил дерущихся. Серьезный спорт не имеет ничего общего с игрой, это война, но — без убийства. Второй раунд, едва начавшись, также, быстро закончился. Бой был остановлен в виду явного преимущества Тада. Он, как во сне, стоял на середине ринга, а его руку поднимали в знак победы, его глаза блуждали, в душе рождались какие-то неведомые ощущения, на глазах появились слезы радости и восторга, а вокруг ринга бесновались друзья, и когда он пролез под канатами, Вовка Певзнер подхватил его на руки, крича:

— Ну, ты даешь, он даже не попал по тебе ни разу.

Проигравший парень тоже подошел и, вежливо поздравив Тада с победой, спросил:

— Какой у тебя бой?

— Первый, — ответил Тад.

Бывший противник удивился, сказав:

— У меня это четвертый, а первые три я выиграл.

Как ни странно, но бокс тех времен был совершенно иной, он был более игровым, зрелищным, но с хорошим завершающим ударом. Тренеры очень много работали над защитной техникой.

Со временем вся группа Тада была передана двум играющим тренерам, Борису Ивановичу Тишину и Виктору Алексеевичу Лукьянову. Первый — трехкратный чемпион СССР в весе до 71 кг. Когда Борис Иванович выходил на ринг, то женщины и девушки кричали, рукоплескали ему минут пять, не давая начать соревнования.

Он действительно был хорош своей мужской красотой: где-то под метр восемьдесят ростом, смуглый, с черными волнистыми волосами, гладко зачесанными назад, с прекрасной атлетической фигурой, он представлял удивительное зрелище. Обладал филигранной техникой и — страшным ударом справа.

Молодые боксеры боготворили его, готовы были нестись куда угодно и выполнять его просьбы. Выступая в Европе, Борис Иванович два раза выигрывал бой у Ласло Паппа, трехкратного чемпиона Олимпийских игр, послав того в глубокий нокдаун, и только минута отдыха спасла олимпийца от полного разгрома в первом бою.

Виктор Алексеевич Лукьянов — был полной противоположностью своему товарищу. Широкое

русское лицо с глубоко посаженными глазами, волевым ртом и квадратным подбородком. Второе место в весе 75 кг в Союзе. Он немного пренебрегал защитой, был силен и тоже обладал мощными ударами с обеих рук, был феноменально вынослив и, как говорится в профессиональном боксе, «умел держать удар».

Эти два человека — очень много дали своим ученикам и как бойцы, и как личности. Тад боготворил обоих, всегда бывал на соревнованиях, где они выступали. Молодые боксеры присутствовали в роли молчаливых оруженосцев, и если кто-нибудь из них дарил взгляд или улыбку, то Тад задумывался: «К чему бы это?»

Первые десять боев Тад выиграл как бы играючи. Шесть — ввиду явного преимущества и четыре — по очкам.

В школе № 554, где он учился, все знали, что Тад серьезно занимается боксом, и даже старшие ребята относились к нему с опаской и уважением. Тад пробовал затащить заниматься ребят со двора, но блатные посмеивались:

— Нам это не надо, у нас ножи и пистолеты, все равно побьем.

Но подражаться с Тадом они уже не хотели. Правда, Шурка Любезнов, пойдя в ту же секцию, выполнил 3 разряд, но дальше не пошел и вскоре бросил заниматься боксом вовсе. Тад все дальше и

дальше уходил от двора, меньше встречаясь со сверстниками, они ему были уже неинтересны.

В семье тоже назревали большие перемены. Выяснилось, что бабушка Антонина Ивановна больна раком пищевода и как-то все затихли от ожидания предстоящего. Мать Тада с ним и бабушкой переехали к Белорусскому вокзалу в Большой Кондратьевский переулок в дом 13 (теперь на этом месте стоит детский сад). Отдельный маленький домик, две комнатухи и сарай для дров принял небольшую семью Касьяновых. Так как денег матери на жизнь не хватало, Тад решил идти работать.

К тому же в школе начались постоянные драки. Опять та же компания Быка подловила его. На этот раз их было не пять, а все десять человек. Двое, как быстро выяснилось, с ножами.

Было уже темно. Они сразу же со всех сторон навалились на Тада и стиснули его с такой силой, что он не мог даже вытащить, неизвестно как там оказавшуюся, правую руку, из-за спины. Он левой бил нападавших по ребрам, по печени, по животам, но если даже кто-то был накаутирован, то из-за тесноты и давки не мог отвалиться.

Таду и в этот раз почти не досталось, но все могло бы кончиться очень плохо. Помогли взрослые мужики, извозчики на конных подводах,

перевозивших дрова. Раньше так отапливались старые районы Москвы. Вот они-то с криками:

— Что напали на одного! — кнутами полоснули по спинам этой компании. Нападавшие расступились, Тад засадил кому-то по морде и побежал. А бегал он хорошо.

Чтобы стать выносливее Тад участвовал в соревнованиях по легкой атлетике. Выступал за «Метрострой» в забегах на пять и десять тысяч метров.

Он бежал, вспоминая книгу Джованьоли «Спартак», тактику Горациев, которую они применили против Курациев, и чувствовал спиной, что за ним гонятся. Он обернулся на ходу, и — бамц первому догоняющему, тот упал. Тад побежали дальше. Так же случилось со следующим «бегуном». Двое, трое — получили, остальные поняли, что догонять бесполезно.

Однако Тад был один, противников — много. Пришлось ему уйти из этой школы. Хотя Тад к тому времени уже мог привести свою команду боксеров, они теперь всегда помогали друг другу, но Тад не хотел никаких эксцессов. Он не считал, что проиграл, все кто хотел — получили. Просто учиться в таких условиях стало трудно. О том, что можно покалечиться самому или покалечить кого-то, попасть в тюрьму, мальчишки мало думали. Когда не один на один, а на одного

двое-трое, четверо-пятеро, а тем более — десятеро, то Тад за последствия не отвечал. Но — пронесло. Тогда в 1955-56 годах не было еще статьи в Уголовном кодексе «мера допустимой самообороны».

В основном мальчишеские драки возникали из-за взаимной антипатии. Кто-то кому-то не приглянулся: физиономия не понравилась или усы, модная прическа, что-то новое надето — не понравилось. Тогда была мода на брюки-дудочки, ботинки на «манной каше», на толстой белой подошве. За это били те, чьи родители не могли или не хотели себе позволить так нарядить своего отпрыска.

Вот Тад и ушел из 9 класса, не оглянувшись и не пожалев, но, предполагая, что когда-нибудь закончит свое образование. Он устроился на 27-й завод, что на Пресне, стал работать фрезеровщиком, продолжая заниматься боксом в «Крыльях», теперь это стало удобно, потому что все было рядом.

В 16 лет он стал учеником фрезеровщика, замечательного мастера, русского человека, Михаила Романовича, который научил Тада отношению к работе. Это был рабочий интеллигент, владеющий всеми станками, начиная от наших и заканчивая американскими. В основном там стояли станки «Цинцинати».

У Романыча было опущение желудка, он ходил в специальном поясе, поскольку заготовки были тяжеленные, весили 90 килограмм. Тад, пацан 16 летний, эти заготовки поднимал, помогал ему. Сначала работал под его руководством, потом его поставили одного на линию. Тад из «сырой» болванки вытачивал ротор для лопастей вертолета.

Тогда было на Пресне было несколько военных авиационных заводов, которые называли «заводы-гиганты». Спортивные коллективы на них были обычно известны по фамилии заместителя директора завода. Был «коллектив Даниельянца», или «коллектив Скотникова», в котором занимался Тад.

На завод Тад пришел перворазрядником по боксу, а норматив Мастера выполнил, выступая за коллектив завода. Товарищ Скотников любил свою команду. Своих подопечных премировал в открытую деньгами, а майки, трусы, боксерки выдавали централизованно на складе завода. Все коллективы заводов-гигантов входили в спортивное общество «Крылья Советов». Крылья — это значило авиация.

Тад приносил очки и баллы взрастившему его заводу. Следующие десять боев Тад выиграл, действуя обдуманно, слыша подсказки тренера и секундантов.

Ему очень хотелось знать о боксе больше, и для этого он записался в Библиотеку им. Ленина. Тад вообще очень любил читать, но особенно книги по истории и географии. В Ленинке же ему пришлось читать методическую литературу. Тад брал труды о подготовке чемпионов мира боксеров-профессионалов: Джо Луиса, Рокки Марчиано, Флойда Паттерсона, Джека Дэмпси. Он как замороженный поглощал книги об этих гигантах бокса, мысленно стараясь хоть как-то походить на своих кумиров.

На тренировках Тад старался как можно меньше получать ударов в голову, тщательно отрабатывая защиту, подчинив все свободное время жесткому режиму. Но жизнь, как известно, брала свое, а в молодости так много хочется, и так мало достается. Работа стала для Тада не больше, чем хобби, а спорт становился всей жизнью. Не зря же еще знаменитый русский историк Ключевский говорил, что спорт быстро становится любимым предметом размышления, а потом — единственным методом мышления...

Дома по-прежнему скептически смотрели на его занятия. Потом, когда Тад стал показывать результаты, говорили: «О-о!». Но все равно в душ не считали спорт серьезным делом.

Шел период хрущевской оттепели, жить становилось легче, да и воспоминания о

вурдалачьих временах как-то потихоньку уходили в небытие. Молодость — ни с чем несравнимое состояние. Спортивный мир готовился к Олимпиаде 1956 года в Мельбурне.

Виктор Иванович Огуренков нажимал на тренеров, чтобы лучше готовили команду, а Таду он сказал:

— Хватит дурака валять, бери курс на Мастера спорта и на Олимпийские.

Но в Мельбурн Тад попасть не успел, туда поехала очень сильная команда боксеров (и шестеро из девяти вернулись домой чемпионами Олимпийских игр). А поехать так хотелось, ведь туда должна была прилететь звезда аргентинской эстрады и кино Лолита Торрес, по которой Тад сходил с ума, и не он один; эту удивительно обаятельную актрису любили все. Ее песня «Коимбро — наш город чудесный» была, пожалуй, одной из самых популярных песен того времени.

Выиграв первенство Центрального Совета общества «Крылья Советов» во втором полусреднем весе, Тад стал готовиться к первенству Москвы, но этому событию предшествовало еще более значимое событие — Международный фестиваль молодежи и студентов в Москве в 1957 года. Такого праздника практически никогда не было в нашей стране. Ожидая много

удивительного, и необычного, многие не знали, как к нему отнестись.

КГБ и МВД «стояли на ушах», но это не мешало происходить казусам всякого рода, ведь народ-то наш, задерганный и задавленный первый раз вот так, более или менее свободно (сорвавшись с цепи коммунизма) общался с иностранцами. Ох, народ, народ ты наш русский, откровенный и простодушный! Сколько после этого фестиваля появилось детей всех цветов и оттенков, сколько наших дурах осталось несчастными, Богу только известно.

Тад принимал участие во многих встречах, гуляньях, но как-то интуитивно не сближался ни с кем и не лез ни к кому в друзья, ему хватало его компании боксеров.

Rock and roll

Рок-н-рол

Примерно в это время Тад познакомился с двумя прекрасными боксерами, братьями Владимирскими — Адольфом и Гансом, и очень интересным человеком — Михаилом Варшавским. Это был уже взрослый, сложившийся мужик с невообразимо трудным неуживчивым характером, лет на 10–12 старше той компании Тада.

За одесское происхождение, за морские истории, рассказанные им, за умение выходить из самых сложных ситуаций, молодняк наградил его прозвищами: Мишель, Майкл Шкипер. Он удивительным способом влиял на настроение ребят и в хорошую, и в плохую стороны. Молодые боксеры его уважали и даже побаивались его острого языка, всезнайства и предвиденья, хотя многие легко выигрывали у него тренировочные бои. Он был очень работоспособен, но не особенно талантлив в боксе, хотя впоследствии стал чемпионом «Спартака» и Московской области. Наверное, сказывался возраст, ведь он пришел в секцию в 28, если не больше, а Таду и ребятам было по 18 лет.

Стасик Покровский, Адольф и Ганс Владимирские, Миша Варшавский, Володя Грачев, Вася Скворцов, Валера Голубоцкий и Тад — они вместе ездили на танцевальные вечера, старались уйти в одно и то же время, даже не сговариваясь, а интуитивно охраняя себя. Если начнется «чукаловка» надо помочь друг другу. Так и бывало.

Они никогда не ставили как сейчас на первое место деньги. Каждый понемногу зарабатывал, но никаких нелегальных видов заработка у них не было. Кто-то устраивался разносить письма на почту. Кому-то давали родители. У Стаса Покровского отец был военный атташе в

Соединенных Штатах. Вот оттуда появились первые журналы о профессиональном боксе, «Кеч энд кетч кен». Друзья знали всех профессиональных боксеров, культуристов. Приходили хорошие польские журналы: «До около свята», «Кобете и жиче». Эти журналы друзья покупали. Американских не было, СССР и США тогда не очень ладили, в то время, началась «холодная война», а в польских журналах — освещалось все, весь спорт мира.

Спустя некоторое время и о Касьянове написали в польском журнале «Спортовец, но до этого еще нужно было дожить.

Молодые люди были очень сильно настроены патриотически. Их никто в этом не убеждал. Очевидно, такими сделали их война, невзгоды. Они, конечно, не кричали «За нашу Советскую Родину», это в их кругу выглядело бы нелепо. Но они, как ни странно, при увлечении всем западным, были до глубины души патриотами, даже больше, чем многие ребята в красных галстуках и комсомольскими билетами в карманах.

Патриотизм проявлялся в том, что они осознавали не сговариваясь: наша Родина — самая лучшая. Словно бы это откуда-то из воздуха приходило в их души. Они тогда были твердо уверены, что «американцы — козлы, немцы и прибалты — фашисты, западные украинцы —

бандеровцы». Их никто этому не учил, и литературы особой не было. Просто интуиция, инстинкт, голос крови.

Они отлынивали от комсомольских собраний. Тада несколько раз пытались принять в комсомол, забыв, что исключили из пионеров. Он отвечал:

— Я лучше буду заниматься спортом.

В то прекрасное время на эстрадах сверкали отечественные звезды: трубач и дирижер Эдди Рознер, король джаза и наставник многих ударников Лаци Олах. Многие из музыкантов-одногодков Тада стали впоследствии знаменитостями: Гаранян, Зубов, Лукьянов, Гареткин; а так же, убежавшие одними из первых от коммунистического режима во время гастролей в Японии, Мидный и Бирукшиц. Но особенно Тад и его компания подружились с феноменальным ударником Володей Журавским (трагически погибшим впоследствии в авиакатастрофе), бывая на всех вечерах, где играл Володя и, естественно, защищая его и его друзей музыкантов.

Часто возникали драки, на знаменитом «шестиграннике», на Пресне, располагавшемся прямо на пруду, в виде острова, и от него шел хлипкий мостик к берегу. Однажды Тад со Славой Суховым затеяли драку с какими-то парнями, потом к ним присоединились еще, и еще, в результате стали драться человек триста. Люди в панике

бросились оттуда по этому мосту, поломали перила, человек пятьдесят-шестьдесят девчонок попадали в воду. В своих пышных юбках с кринолином они как цветы-кувшинки плавали в мутной воде. Там не глубоко, всего метр двадцать, метр пятьдесят, никто вроде бы не утонул...

В те времена были модны прически под Элвиса Пресли, «кок» или как их в народе называли «вшивый домик». Узкие брюки. Идеологический отдел ЦК Партии и комсомол направляли на вечера и праздники дружинников (надо же обозвать эту «сексотню» таким хорошим русским словом) с повязками, дабы очистить зал от носителей вредоносной капиталистической скверны. И вот эти «мирифлютики», являясь на вечера, целыми ватагами, резали ножницами узкие брюки, портили прически и тащили ребят в милицию, сообщая о приводе на работу или учебу.

Как-то раз, на праздник 7 ноября, Журавский с музыкантами наблюдали со сцены такую картину: дружинники попробовали вывести из зала нескольких ребят за то, что те стали танцевать рок-н-ролл. За ребят вступилась ватага Тада, а за дружинников какая-то рабочая бригада с московской окраины.

Ребята-спортсмены сначала увещевали работяг отстать от них, но тщетно... Несколькими ударами их отправили на пол, но особенно жестоко

боксеры отделили дружинников. В зале началась всеобщая драка, в которой компания Тада чувствовала себя как рыба в воде. Правда, с мероприятия пришлось уходить. В дело полезли менты, но боксеры, зная все входы и выходы «Крыльев», беспрепятственно исчезли из танцевального зала под звуки рок-н-ролла оркестра Володи Журавского.

Братья Чигирькины, Олег и Юрий, Витя Фарсюк (талантливый художник и боксер), Юра Карпенко, Вася Скворцов, Женя Бочаров, Володя Грачев; и более близкая компания: Адольф и Ганс Владимирские, Шкипер, Валера Голубоцкий, Толя Карабанов, Станислав Покровский и Тадеуш Касьянов — были удивительно чистые ребята, готовые всегда прийти на помощь, надолго сохранившие это теплое чувство друг к другу. Все неоднократные чемпионы Москвы. Но жизнь, как водится, разметала и их.

На осеннем чемпионате Москвы, где главным судьей был великий русский боксер Николай Федорович Королев, четырехкратный абсолютный чемпион СССР: 1936, 1937, 1944 и 1945 годов, девятикратный чемпион СССР в тяжелом весе, Королев установил своеобразный рекорд, который до сих пор не побит. Четырнадцать раз, с 1936 года по 1949 год, он достойно отстаивал свое звание сильнейшего боксера страны. Легендарный

спортсмен, он был учеником другого человека-легенды, Аркадия Харлампиева.

Тад выиграл три боя: один по очкам и два за явным преимуществом. Четвертый бой должен был состояться между ним и, восходящей звездой советского бокса Борисом Лагутиным, но врач снял Тада с соревнований. Обе брови у него были рассечены, один глаз заплыл, а другой покраснел.

Часто работая друг с другом на тренировках, так и не выяснили в этот раз эти два одноклубника: кто есть кто? Но друзьями остались. Между боями в раздевалку, где разминались боксеры, зашел Королев, проходя мимо Тада, он спросил: «Где туалет, сынок?» И, получив ответ, потрепал Тада по плечу. Тад напомнил Николаю Федоровичу:

— Когда вы жили на сборах в городе Ступино в 1956 году, то на тех же сборах жили мы с командой старших юношей, готовившейся в ЦС «Крылья Советов».

Тогда Королеву врачи запретили выступать самому, ему было уже 44 года, и он присутствовал для натаскивания молодых боксеров и поддержания их духа. Еще раз ласково потрепав Тада по густой шевелюре, Королев молча вышел из раздевалки...

Очень важной психологической школой, особенно в подготовке к соревнованиям и умении вести себя в исключительных ситуациях, Тад считал уличные драки. Конечно на улице все не так

как в зале, все гораздо жестче и безжалостней, но зато уж если ты одерживаешь верх на улице, то на ринге после такой подготовки много легче. Живя в Большом Кондратьевском переулке, Таду приходилось участвовать в десятках драк и разборок против разной шпаны в Тишинских переулках, на Лесной и Ямских улицах.

Все грузинские улицы населяли ассоры, то есть московские ассирийцы. А на углу у Тишинского рынка сидела мама Нателла, управлявшая всеми соплеменниками, специализировавшимися на чистке обуви. Она заправляла лотками. Все чистильщики обуви в те годы, что называется, «ходили под ней». Еще в Москве жило 800 тысяч татар. Стали появляться армяне, грузины. Азиатов еще не было. Они стали появляться после корейской войны.

Под воздействием этой среды складывался и формировался характер Тада, он стал злее, безжалостнее. Но только внешне, внутренне он оставался таким же добрым и отзывчивым парнем как и прежде.

Норму Мастера спорта СССР по боксу Тад выполнил, и хотел дальше продолжать свое образование. Решил поступать в Цирковое училище, что на улице Правды. На экзаменах поскандалил с одним из членов приемной комиссии — темнокожим парнем по имени Анатолий

Бовыкин, который когда-то сыграл свою единственную роль маленького негритенка в фильме «Максимка», сыграл хорошо, но потом на советских хлебах превратился в нахала. Тад кинулся на него, дать ему в рожу, но подоспевшие преподаватели разняли их. Ну, какой уж тут проходной балл!

Да вдобавок увидели: у Касьянова боксерские трусы с эмблемой «КС», и что он в походке подволакивает правую ногу. Решили, мол, нам боксеров, да еще хромых, не надо, хотя Тад за собой такого дефекта не замечал.

Тогда Тадеуш стал поступать в Калининское художественное училище народных промыслов, что за Миусским кладбищем, на Стрелецких улицах. И, в общем-то, поступил. Приемная комиссия, посмотрев его рисунки, определила, что у них в училище так рисуют на третьем курсе. Но Таду опять не повезло, пришла повестка в армию.

В погонах

Тогда в Венгрии начался антикоммунистический путч, которому помогали все, кто мог, но и СССР дорожил своими границами в Европе, держа большие силы на западе и не щадя своих солдат и техники. Конечно же, путч, продолжавшийся почти год, задавили. В общем-то

ЦРУ США «получило по морде» так, что смеяться надоест.

Вот туда, в этот котел, и должен был попасть Тад, но врачебная комиссия военкомата, как и в цирковом училище, обратила внимание на правую ногу, и на пару лет отбраковала его. Тад скрыл, что он постоянно действующий, результативный боксер.

Открывался простор для разного рода деятельности. Естественно бокс бросать Тад не собирался, и, так как в художественное училище не попал из-за армии, решил посвятить этот отрезок времени самообразованию и закреплению успеха в спорте.

Как мы уже говорили, отец Стаса Покровского, был военным атташе в советском посольстве в Вашингтоне и постоянно присылал сыну заграничные журналы о великих боксерах и кетчистах (кетч — борьба без правил), о культуристах. Вот этим зарождающимся видом спорта занялся Стас, а вместе с ним и вся их компания. Стасом нельзя было не любоваться, когда он выходил на ринг. Но боксу большие мышцы противопоказаны и Стас из-за них, и из-за отсутствия дыхания стал проигрывать в боксе, что не мешало ему продолжать заниматься культуризмом.

Тад тоже улучшил фигуру этими же упражнениями, ведь в молодости можно лепить из себя что захочется, было бы желание. А желание было, хотелось избавиться от комплексов, стать сильным и независимым. В этот период Тад очень много читал и собирал свою фонотеку. До самозабвения любя джазовую классику и рок-н-роллы, Тад приходил к другу художнику Володе Садковкину в дом миллионеров на Арбате, что напротив театра Вахтангова, и в компании таких же меломанов часами слушал джаз и танцевал рок-н-ролл. С подобными ощущениями жизнь казалась богаче.

В мире бокса Тада знали, уважали, и уже в который раз Тад хотел начать учиться, но опять пришла повестка в армию. Толи в военкомате узнали, что он действующий боксер, толи кто-то донес, но на этот раз даже спрашивать не стали, а посмотрели на сухую, крепкую фигуру, и тут же назначили номер команды.

Тад со зла наговорил военкому кучу дерзостей и поклялся, что через год они увидятся вновь. Служить Тад не хотел. Только когда он в будущем сам стал тренировать спецподразделения, Тад понял, как, зачем и почему надо служить Родине. В нем постепенно зарождалась та самая обида за «Державу». До поры она лишь дремала в глубине души.

В общем, служить Тад начал как бравый солдат Швейк, только тот — драться не умел, да и не издевались над Швейком, как в нашей армии над новобранцами. Он попал в Латвию, в курортный город Цесис, на аэродром стратегических бомбардировщиков. В бане, куда их привели помыться после дороги, лежал лёд. Давали две шайки теплой воды, это в Латвии-то, где копни пол лопаты в землю и выступит вода. Сначала надо было снять рубашку и помыть голову и туловище, затем, надев гимнастерку, мыть ноги и все прочее. Выйдя в предбанник, Тад застал одного из сержантов, примеряющего его джемпер.

— Слушай, парень, — сказал ему Тад, — положи на место, это не твое.

— Ты, салага, как со мной разговариваешь? — возмутился сержант, — да ты знаешь, что мы с тобой сделаем?

— Да ничего не сделаете, — ответил Тад, — вот видишь табуретку, все восемь углов в твою башку влетят. Я тебе сказал положи джемпер, а то в харю получишь.

Рядом возмущенно зашумели «старики»:

— Ну, ты сегодня вечером дождешься, москвич паскудный.

Тад сделал им жест, показывающий, что видел всех их в гробу в белых тапочках, и отобрал у них свою гражданскую одежду, решив, что лучше

порвет, порежет ее, но этим козлам не отдаст. Так же поступили и остальные москвичи, их было шестнадцать.

Вечером в казарму, переделанную из коровника, холодную и неудобную, нагрянули «старики». Разговор начался с провокация. Старослужащие никак не могли объяснить новеньким, чем они лучше и почему «зелень» должна их слушать. Тад и еще два москвича, борзых говорильщика, разбивали все доводы «стариков», а когда Тад сказал, что прошел и детдом, и сходняки, и по «фене» сказал несколько слов, прибавив сюда, что он Мастер спорта по боксу, то «старики» стали как-то неуверенно переминаясь с ноги на ногу, а в голосе у них появилось козлячье бляение.

Но проверить Тада все-таки решили, выставив против него здорового хохла-ефрейтора Старостенко, весившего 96 кг, Тад в то время весил 71 кг. Чувствовал он себя превосходно, что поддерживалось внутренней злостью, которую Тад скрывал. Недели перчатки и договорились работать как обычно: 3 раунда по 3 минуты и «стоп», если кто не выдержит.

Начался первый раунд, Тад был прекрасно подготовлен к самому жестокому бою. Секунд 10–15 дав ефрейтору помахать по воздуху руками, Тад быстро нанес с прыжка несколько жестких

ударов по корпусу с переводом на голову. Ефрейтор, как говорится в боксе, «поплыл» — нокдаун. Оптимизма в фигуре «старика» поубавилось, он ни одного раза не попал по Тадеушу, затихли и другие «старики». Второй раунд Тад начал покровительственно и обидно для «стариков» улыбаясь, вдруг резко нырнув под руку Старостенко, двумя апперкотами по печени и левым боковым хуком отправил ефрейтора на пол.

Тут уж загудели все:

— Хватит, и так все ясно!

Но ефрейтор, желая «сохранить лицо» и еще на что-то надеясь, надо отдать ему должное, все-таки решил продолжать бой. Тад в буквальном смысле слова издевался над ним, жестоко избивая, с благодарностью при этом вспоминая своих учителей и «Крылышки». В третьем раунде, отбив ефрейтору печень и сбив дыхание, Тад его буквально «расстреливал» образцово-показательным способом, чтоб остальным неповадно было. Новобранцы визжали от восторга и, когда бой закончился, бросились качать москвича.

Вот так, личным примером уничтожался ложный авторитет старослужащих и дедовщина. «Старики» ушли из казармы хмурые, а на следующее утро Тад доказал своему ротному — спесивому эстонцу, что бегают много лучше его.

Дистанция была 7 км по аэродрому в сапогах при двадцатиградусном морозе, очень редком для Латвии, Тад пришел в казарму первым. Однако отношения с командованием батальона не сложились. Тад через пару дней ушел в самоволку, а там, убегая от патрулей, дал в рожу догонявшему его ретивому солдату и все равно ушел, но это каким-то образом стало известно командиру, ведь такой бегун был в части один. Офицер вызвал Тада на разговор по душам.

Тад выслушал его, дав потом понять командиру, что тот не его духовный отец, культурно послал его далеко и, повернувшись, вышел. Судьба Тада в этой части была решена. Он плохо влиял на других новобранцев, и его было решено перевести в личную охрану военного коменданта Риги, полковника Хотяшева.

В обязанности роты Хотяшева входило патрулирование улиц столицы Латвии и охрана гауптвахты на Комсомольской набережной — бывшей политической тюрьмы, где сидели Калинин и Крупская. Потом в этих камерах пришлось посидеть и Таду. Взводным командиром у Тада был недалекий, но интеллигентный латыш, старший лейтенант Местерс, он слезно уговаривал Тада не ходить в самоволки и не драться, но это у него не всегда получалось.

В этой патрульной роте оказались неплохие ребята, никогда не выдававшие друг друга. Чуть что многие смывались в самоволии. Соблазнов в Риге было предостаточно.

Тад, памятуя «базары» блатных, что в таких войсках служить позорно, всячески старался попасть в стройбат. Но на его просьбы о переводе начальство не отвечало, а только каждую неделю вызывало в спецчасть или идеологический отдел округа. Как-то раз в самоволке Тад зашел в Рижский СКА (того деревянного здания, где он располагался уже нет) на тренировку боксеров. Тренер, спросив, у кого Тад тренировался, и, узнав квалификацию, попросил его раздеться и поспарринговать.

Тад послал в нокдаун их лучшего полутяжа литовца, и тренер поставил его с чемпионом Вооруженных Сил средневесом Анатолием Трепшей. После трехраундового боя Толя разбил Таду нос, а Тад ему бровь и поставил фингал под глазом, но оба как истинные спортсмены были не в претензии друг к другу. Тренер тут же включил Тада в сборную округа и пообещал, что похлопочет перед начальством. Но из этого ничего не вышло, армейское начальство никак не могло найти способов воздействия на Тада и очень негативно к нему относилось.